

Линь Цзичу раз за разом комкал пальцами подол чистой белой мантии. Он то испуганно сжимал губы, то приоткрывал их, словно порывался что-то сказать, но в конце концов упрямо их сомкнул.

— Готово, Учитель Линь.

— Да, отлично. Спасибо вам, — отозвался Линь Цзичу.

Из мыслей его вырвал нежный голос гримера. Линь Цзичу поспешно кивнул и вежливо поблагодарил девушку.

Внимательно оглядев себя в зеркале, он убедился, что безупречный и благородный образ Ло Цинфаня воссоздан до мельчайших деталей. Линь Цзичу поднялся — задерживаться в уютной гримерной дольше необходимого не хотелось. Поскольку его гримировать начали раньше, он и закончил первым, обогнав Шэнь Циханя.

Проходя мимо Шэнь Циханя, Линь Цзичу изо всех сил сдерживал глупый порыв обернуться. Упрямо глядя перед собой, он ровным шагом направился к выходу. Но в тот миг, когда их пути пересеклись, в зеркале промелькнул знакомый силуэт. Тот завороченно следил за этим отражением, а когда оно растаяло, тут же обернулся, чтобы проводить взглядом уже настоящую, удаляющуюся спину.

Лишь когда Линь Цзичу скрылся за поворотом коридора, Шэнь Цихань наконец отвел глаза. В его глазах на мгновение промелькнула глухая тоска — едва заметная, спрятанная от чужого любопытства.

«Но какое я имею право? — горько усмехнулся про себя Шэнь Цихань. — Разве не я сам когда-то первым заговорил о разводе? Даже если теперь я отдал бы всё на свете, лишь бы вернуть его, вернуть наши дни... Какое право я имею заикаться об этом?»

Утренняя смена началась вовремя. Тройка главных актеров вернулась на съемочную площадку, чтобы продолжить прерванную вчера сцену.

По сюжету, преодолев бесчисленные преграды и опасности в Долине Улитки и Зелени, герои наконец вышли к глубокому, чистому водоему, на дне которого покоился легендарный клинок. Облик Тонкой Лазури они знали лишь по старинным свиткам, но сходство меча, возвышавшегося прямо посреди таинственной заводи, с тем рисунком было разительным. Сомнений не оставалось: перед ними был тот самый артефакт.

Древние предания гласили: искатели сокровищ, дерзнувшие войти в долину, гибли вовсе не от клыков чудовищ или ядовитых испарений. Их губила сама хранительница Тонкой Лазури —

могущественный Дух Меча. Обретшая волю сущность веками охраняла покой оружия своего почившего господина. Ходили легенды, будто этот дозор длится уже больше тысячи лет, и за всё время Дух Меча не подпустил к клинку ни единой живой души.

И теперь, представ перед легендой лицом к лицу, даже вечно безрассудный и отважный Чу Цяньфань ощутил, как по спине пробежал легкий холодок. Впрочем, секундная робость тут же уступила место бешеному восторгу и азарту. Судорожно сглотнув, он унял дрожь, и от его страха не осталось и следа.

Он невольно скользнул взглядом по лицу Ло Цинфаня. Тот смотрел на Тонкую Лазурь затаив дыхание, и во взоре его читалось глубокое, почти религиозное почтение перед древней силой.

И в этот миг в голове Чу Цяньфаня родилась шальная мысль. Изначально он намеревался забрать меч себе, но сейчас... сейчас ему отчаянно захотелось преподнести его Ло Цинфаню. Тот как раз путешествовал без оружия, а изящный, невесомый клинок Тонкой Лазури идеально подходил утонченному и благородному юноше.

Ни словом не выдав своего намерения, Чу Цяньфань лишь мягко улыбнулся, глядя на точеный профиль друга, и стрелой взмыл в воздух, намереваясь вырвать меч из каменного плена заводи. Этот безумный порыв застал спутников врасплох — оба испуганно ахнули.

— Стоп, стоп, стоп!

На самом интересном месте режиссер Ли Жэнь резко закричал в рацию, прерывая дубль.

Всё замерло. Лишь зависшего в воздухе Шэнь Циханя по инерции качнуло обратно на лонже. Коснувшись земли, он не удержал равновесия и попятился назад, рискуя упасть. Линь Цзичу, оказавшийся ближе всех, даже не успел подумать. Тело среагировало само: он рванулся вперед и подхватил покачнувшегося актера. Сила толчка увлекла его за собой — Шэнь Цихань сделал еще пару шагов назад, а Линь Цзичу, крепко удерживая его, вынужденно подался вперед.

Наконец они замерли. В ту же секунду к Шэнь Циханю со всех сторон бросились сотрудники съемочной группы, обеспокоенно спрашивая о его самочувствии. Линь Цзичу тут же убрал руки с его плеч и торопливо отступил. Пока толпа плотным кольцом окружала его бывшего мужа, он незаметно выскользнул из этого круга заботы, спрятавшись за спинами ассистентов.

Однако ладони всё еще покалывало от чужого тепла — того самого тепла, что он успел уловить сквозь ткань костюма в те короткие секунды, когда поддерживал Шэнь Циханя. Линь Цзичу опустил голову и незаметно сжал пальцы в кулак, тщетно пытаясь удержать это зыбкое ощущение. Впрочем, в глубине души он прекрасно понимал: это не более чем жалкая попытка обмануть самого себя.

И именно в этот момент Шэнь Цихань, проигнорировав суету вокруг, отыскал его взглядом в толпе.

Дождавшись, пока Шэнь Цихань высвободится из страховочных ремней, режиссер подозвал всех троих к монитору. Стоило актерам подойти, Ли Жэнь запустил дубль и принялся разбирать ошибки.

— Во-первых, Цихань, твой взгляд, — начал режиссер, указав на экран. — Дело не в том, что тебе не хватает эмоций. Как раз наоборот: ты смотришь на Линь Цзичу с такой нежностью, словно готов прямо сейчас признаться ему в любви. Немного переигрываешь, палку перегибаешь.

— Цихань, любой зритель, который включит сериал на этой сцене без контекста, решит, что твой герой тайно и безнадежно влюблен в Цинфаня, — беззлобно усмехнулся Ли Жэнь, дружески похлопав актера по плечу. — Так что давай по новой. Поубавь пламя во взоре.

Линь Цзичу понимал, что это лишь обычные рабочие подначки режиссера, на которые не стоит обращать внимания. Но Ли Жэнь, продолжая выговаривать исполнителю главной роли, вдруг многозначительно покосился на него. Линь Цзичу от природы был застенчив, и этого мимолетного взгляда хватило, чтобы его щеки мгновенно обдало жаром. К счастью, он вовремя взял себя в руки, выровнял дыхание и ничем не выдал своего смущения ни режиссеру, ни кому-либо еще на площадке.

К его облегчению, Шэнь Цихань даже не повернулся в его сторону — он стоял, хмурясь, и сосредоточенно изучал запись на экране, внимая замечаниям режиссера. Впрочем, взглянув на экран сам, Линь Цзичу не мог не признать правоту Ли Жэня. Взгляд Шэнь Циханя в кадре и впрямь пылал слишком откровенным, обжигающим чувством. Хотя это был лишь общий план, всё читалось предельно ясно.

«Это просто камера так передает, — попытался убедить себя Линь Цзичу, силясь унять стук сердца. — И у Шэнь Циханя ведь эти его знаменитые "глаза-персики". Они всегда кажутся бездонными и полными любви. Стоит ему хоть немного смягчить взгляд, как эти чертовы глаза раздувают обычную теплоту до масштабов вселенской драмы. Дело просто в его внешности, ничего больше».

— Это первое, — продолжил Ли Жэнь. — В следующем дубле соберись и сделай взгляд попроще. Второе — сам полет. Когда прыгаешь, нет былой легкости. Какое-то скованное движение получилось, угловатое. Что стряслось? На репетиции ведь всё шло как по маслу. Почему перед камерой зажался?

Присмотревшись к повтору, Линь Цзичу мысленно согласился с режиссером. Действительно, прыжок Шэнь Циханя выглядел немного натужно, в нем не чувствовалось той бесшабашной, летящей грации, которая отличала Чу Цяньфаня. Обычная техническая поправка.

— Ладно, возвращаемся к работе, — скомандовал Ли Жэнь. — Цихань, иди сделай еще пару тренировочных проходов с каскадерами. Как почувствуешь, что готов работать чисто, позови меня. Суй Хай, Сяо Линь, к вам никаких претензий, сыграли безупречно. В следующем дубле делайте всё точно так же.

Вне площадки Ли Жэнь славился легким и дружелюбным нравом, однако в работе поблажек не давал никому. Ошибка в простейшем трюке от столь опытного актера, как Шэнь Цихань, явно вывела режиссера из себя.

Впрочем, в следующих дублях актеры быстро вошли в ритм. Отыграв сцену без единой помарки, они заставили режиссера сменить гнев на милость.

Едва Чу Цяньфань подлетел к артефакту, как навстречу ему сорвался лазурный луч. Древний Дух Меча легким взмахом руки отбросил незваного гостя назад, вынудив его приземлиться на песчаный берег. Вслед за этим над лезвием вспыхнуло лазурное марево. Сгусток света со свистом взмыл в воздух и соткался в призрачный силуэт прямо перед замершей троицей. Это была величественная, статная женщина с холодным и строгим лицом.

Разумеется, на съемочной площадке никакого волшебного свечения не было — актерам приходилось играть перед пустым местом, доверяя воображению и ожидая, пока мастера по спецэффектам дорисуют нужные кадры на монтаже. Подобная работа с виртуальным пространством всегда сопряжена с долей неловкости, но для профессионалов своего дела это было привычной рутиной. Никто и бровью не повел.

Дух Меча заговорила, и голос ее прозвучал подобно шелесту осенней листвы. Она поведала, что за прошедшие века видела сотни искателей — и благородных воинов, и подлых разбойников. Но истинного хозяина среди них так и не нашлось. Тех, кто отступал с миром, она отпускала невредимыми, те же, кто пытался забрать клинок силой, навеки упокоились на дне этого мрачного ущелья. Ее слова были суровым предостережением. Дух призвала незваных гостей уйти, пока не поздно, ведь кроме ее давно погибшего господина, никто в подлунном мире не был достоин коснуться рукояти Тонкой Лазури.

Но разве мог упрямый Чу Цяньфань отступить, проделав столь долгий путь? Он спросил, как же распознать избранного. Дух Меча лишь презрительно усмехнулась и ответила, что претендент должен окропить лезвие своей кровью. Если клинок впитает ее до капли — союз скреплен. Если же капли скатятся по холодной стали и канут в темные воды заводи — чужакам придется немедленно убираться восвояси.

Не тратя времени на лишние споры, Чу Цяньфань вновь рванулся к острию. Одним резким движением он полоснул ладонью по лезвию. Алая кровь брызнула на металл, но вопреки законам природы капли не стекли вниз, а замерли на лазурной стали, будто прикованные неведомой силой.

Спутники Чу Цяньфаня замерли от изумления. Даже бесстрастный призрак на мгновение изменилась в лице — Дух Меча поняла, что происходит нечто из ряда вон выходящее. Все четверо — трое странников и древний дух — затаив дыхание уставились на клинок, окутанный призрачным сиянием. Воздух вокруг заводи, казалось, натянулся, готовый лопнуть в ожидании чуда.

Минуло несколько мгновений тишины. И вдруг древний металл зашевелился. Тонкая Лазурь

стала медленно, капля за каплей, впитывать кровь Чу Цяньфая. Прошло меньше минуты, и лезвие вновь стало безупречно чистым — сталь поглотила багрянец без остатка, не оставив на своей поверхности ни единого следа.

Поняв, что именно ему суждено прервать тысячелетнее безмолвие меча, Чу Цяньфань мгновенно сориентировался. Он крепко сжал рукоять и единым мощным рывком выдернул клинок из каменного ложа. Оставив потрясенного Духа Меча позади, он взмыл ввысь и легко опустился на берег.

Этот сложный кульбит требовал от Шэнь Циханя предельной концентрации и отличной физической подготовки. На репетициях под куполом павильона он повторил прыжок трижды. Каждое движение — от замаха до приземления — было выверено с точностью до миллиметра. И хореограф-постановщик, и сам Ли Жэнь не скупилась на восторженные отзывы.

«Шэнь Цихань действительно великолепен», — невольно восхитился про себя Линь Цзичу, глядя на то, как безупречно его бывший партнер исполнил трюк в четвертом, уже чистовом дубле. С каждым разом движения актера становились всё более отточенными и естественными.

«Он чертовски хорош в своем деле».

Увидев, что меч покорился Чу Цяньфаню, Хэ Чанъянь и Ло Цинфань тут же поспешили поздравить товарища. Однако тот лишь покачал головой и, развернув клинок рукоятью вперед, протянул его Ло Цинфаню.

— Цинфань, этот меч — легкий, изящный — словно создан для тебя. Ты ведь так и не обзавелся надежным оружием в пути. Возьми его. Погляди на это имя: Тонкая Лазурь. Оно созвучно твоему собственному. Отныне этот клинок принадлежит тебе.

— Снято!

Голос Ли Жэня прозвучал как спасительный набат, мгновенно вырвав Линь Цзичу из оцепенения.

Сердце Линь Цзичу всё еще бешено колотилось в груди. Секунду назад, стоя перед камерой, он едва не утонул в бездонной теплоте чужих глаз, сиявших такой искренней, обезоруживающей нежностью. Еще мгновение — и он сделал бы этот роковой шаг назад, в прошлое.

Но те чувства были зыбучими песками, темной пучиной, в которую ему больше нельзя было возвращаться. Ему оставалось лишь одно — бежать без оглядки.